

Введение

Время — это условие существования, и потому оно также и общая рамка памяти, наподобие рамки картины. Забвение, сохранение в памяти и припоминание — это дело времени. Основа же и суть культуры — это память. Разнообразие и индивидуальность культур, равно как и самих индивидов, задается тем, что, как и зачем удерживается и сохраняется, то есть «памятными формами». Разумеется, что и язык служит той же цели, но есть еще многое такое, что не может быть подведено под понятия современной европейской теории культуры, основывающейся на структурном лингвистическом, семиотическом подходе, считающем культуру знаковой системой, с дополнением, в лучшем случае, социологического подхода. Но не все есть общение, не все подлежит коммуникации. Язык аналогичен деньгам, подобен средствам обмена, универсальному посреднику, на рынке все можно купить за деньги, но «все» не есть деньги: и только для современного западного человека не кажется абсурдным утверждение, что «все есть деньги». Можно сказать, что и сама эта теория культуры как текста, как языка, есть результат и как бы завершение именно европейского хода тех изменений в культуре, которые произошли на «Западе». Это результат его самосознания. В этой теории «Запад» выбалтывает свою тайну: тайну отщепления смысла от разнообразных форм общения, при котором первый в конечном счете и окончательно утрачивается, забывается¹.

Однако научная теория культуры не имеет ни намерения, ни средств толковать о «смысле», потому что этот последний полностью выходит за линии ее картины по ее же собственным, ею же принимаемым в качестве предпосылок определениям. Хотя именно «смысл» и есть та сверхзадача, которая выступает на первый план при рассмотрении любой проблематики, касающейся того, что условно называют «Восток и Запад».

Забываемое во времени становится чужим. Чужое, приближаясь и припоминаясь, — становится просто «другим», а другое может стать равно и врагом, и другом. Если верить в антропологическое и культурное единство происхождения человечества, то все, что теперь так разительно разошлось и противопоставилось, жило некогда в гармонии «золотого века», во взаимопонимании и без раздора. Откуда же происходит чуждость?

В работе, представленной на последнем эстетическом конгрессе «Steps to a comparative evolutionary aesthetics (China, India, Tibet and Europe)», фрагмент из которой мы здесь публикуем, автор пишет: «важнее всего «понимать, что весь человеческий символизм исходит из одного вселенского источника». Иными словами, если и есть искомое единство, то не на поверхности, оно не вынесено «в текст», напротив, оно глубоко скрыто и не сводимо к бытующим в настоящий момент в науке схемам.

Современное научно-теоретическое познание, касающееся так называемых традиционных культур и сопоставлений их с современным западным миром, богато различными схемами, причем почти все они скрыто предполагают тезис о прогрессе по всем направлениям, как в материальной жизни, так и в интеллектуальной, моральной и духовной. Это самомнение науки является не просто не обоснованным, но обнаруживается как ничем не опровергаемое упрямство. Иная точка зрения просто не допускается. За исключением позиции по этому вопросу Р.Генона и его последователей, трудно привести кого-либо еще, кто так ясно увидел бы истину противоположной точки зрения, то есть полнейшую деградацию современного мира по всем этим измерениям, исключая «прогресс» материального проявления, который на деле оказывается тоже регрессом, так как ввергает человечество в хаос всех мыслимых противоречий. Современный дух, согласно его утверждению, есть отрицание традиционного и совершенно с ним не совместим. Рационализм же, присущий ему, «будучи отрицанием всякого высшего по отношению к разуму принципа, влечет за собой в качестве «практического» следствия исключительное использование этого самого ослепленного разума, если можно так сказать, ослепленного тем, что он изолирован от чистого и трансцендентного интеллекта, свет которого законным и нормальным образом может лишь отражать в индивидуальной области. С того момента, как он утратил всякую действительную связь со сверхиндивидуальным интеллектом, разум может стремиться только к низу, то есть к низшему полюсу существования, и погружаться все более и более в «материальность», в такой же степени он мало-помалу утрачивает и саму идею истины»². Разумеется, Восток и Запад — это не географическое противопоставление для Генона, традиция и современность — не противопоставление культур. Традиция — это бытие согласно духовным принципам, современный дух — ориентация на поверхность вещей, на количественное профанное «знание», ведомое рациональной наукой, и это есть царство количества, механизма и материализма.

Изначальное единство «Царства Света» и «чистого Духа» исчезает из виду, и в поистине хаотичной картине многообразия «культурных форм», заместивших собою единство духовной Традиции, на эмпирическом уровне единства обнаружить не удастся; существуют лишь соответствия по аналогии между некоторыми периодами в истории, состояниями и событиями. Тем не менее все усилия науки в этой области — поиска духовных принципов — в согласии с ее самоопределением ограничены этим эмпирическим уровнем данности как многообразия. Мы не будем повторять здесь концепции, относящиеся к философии истории, полагающие тем или иным способом **форму** исторического процесса, определяя, и тем самым задавая его единство с формальной точки зрения. Формы эти, будь то концепции Дж.Вико, Гегеля, Шеллинга, О.Конта или кого-нибудь еще, представляют собою более или менее рационализированные схемы. Особенность их в том, что эмпи-

рический материал для этих схем — масштабный: это значительные события, заметные изменения в общественной и исторической жизни крупных человеческих обществ. В другом масштабе, на уровне психологии, прежде всего придет на ум, разумеется, теория К.Юнга, который искал универсалии психологической жизни в коллективном бессознательном, в материале другого, так сказать индивидуального, измерения.

Если принять поправку Генона к теории Юнга и искать универсалии психической жизни не в бессознательном (или подсознании), а, напротив, в сверхсознании, которое, правда, психология как «наука» признает только лишь в качестве эпифеномена, и если учесть, что современные языки представляют собою бледные копии священного праязыка единой Духовной Традиции, то тогда соотношения между языком, архетипами и культурой можно изобразить следующей картинкой. Дух обычно олицетворяется огнем. Всякая нация (или народ) есть хранительница духа-огня. Язык — костер, высвечивающий особым, характерным именно для него и именно так детализированно архетипы из коллективного бессознательного (и неким образом соединенного со сверхсознанием). Светом этого костра высвечиваются разные вещи, которые имеют истоком одни и те же архетипы; тогда культура есть совокупность вещей³, высветленных языком из бессознательного на основе архетипа в их гармоническом сочетании; эти сочетания и гармонии отличают нации. Разумеется, что главное в культуре — это язык и его трансформации. Но культура не есть язык и уж, конечно, она не есть текст, то есть не фиксированный моментальный «снимок»; она — только аналог языка (текст — это мертвый язык). Дровами, поленьями этого костра служат слова праязыка, сохраняющиеся в любой культуре, они являющиеся общими для тех или иных языковых групп или даже для всего человечества. Гармоничность культуры связана с близостью к праязыку, определена этой близостью. И точно так же, как при превращении живой речи в письменный текст теряется искренность (например, беседа с другом в отличие от письма к другу), культура, будучи аналогом речи — языка, при ее превращении в текст теряет искру — Дух. Она становится «материальной»⁴, противоположной самой себе. Письмо полагает и навязывает дистанцию во времени, соответственно культура, каменя в памятниках, тоже навязывает дистанцию во времени, откладывает себя «на память». В письме, в отличие от дружеской беседы, искра непосредственности погасла, здесь Буква выступает против Духа. Речь всегда остается в присутствии Духа.

Характерной чертой состояния современного мира можно считать специфический миф технократической цивилизации, а именно веры в то, что с неумолимым ходом времени можно справиться при помощи нагромождения разнообразных внешних приспособлений. В традиционном обществе все имело надличную модель, укорененную в священном времени. Как пишет М.Элиаде: «Открываясь таким образом Великому Времени, священное существование, каким бы бедным оно зача-

стью ни было, тем не менее было богатым по своему значению: во всяком случае, оно не находилось под тиранией времени. Истинное «подчинение времени» начинается с секуляризации работы⁵. Еще древний миф о Дедале и Икаре отметил ту границу, пересекая которую, человек подпал под «тиранию времени», а точнее говоря, стремительно, как Икар, вознамерившись победить при помощи искусственных крыльев, украденных у отца, притяжение Земли и покорить Небо, то есть Время (время — это связь Земли и Неба), находит свою погибель. Что значат эти искусственные крылья? Очевидно, что это замена некоей способности, проявление на плотном, «материальном» уровне какой-то высшей, утраченной «легкости». В изначальных мифах всегда свернута целая программа, которая может впоследствии, в истории разворачиваться на протяжении веков. Теперь мы присутствуем при последнем эпизоде разворачивания этой программы — падении Икара в море, то есть туда, где, как во времени, стираются всякие формы, во всеобщий растворитель форм. Осознается эта ситуация современным человеком лишь частично, как страх перед катастрофами. Но дальняя причина ускользает, поскольку это овнешнение и материализация способностей, а значит их утрата, дошли до предела, так что поистине «человеческая природа» вывернута теперь наизнанку.

В России, да и вообще в Европе, изучение Востока, как писал об этом Н.И.Конрад, началось с филологии, то есть с изучения письменных памятников; позднее обнаружилось, что творческая база гуманитарных наук, сформировавшаяся в новейшее время, не совсем соответствует более широким задачам понимания традиционных культур. Другой русский востоковед С.Ф.Олденбург писал, что западный человек превзошел в материальном и техническом познании мира всю мудрость Востока (в этом) настолько, что исполнился гордостью своего недосягаемого превосходства, однако, столкнувшись с самой главной тайной — самим человеком, ощутил справедливость «старинного чувства очарования восточным миром»: «И тут мы видим на каждом шагу, как ничтожны наши достижения в этой важнейшей для нас области, мы чувствуем постоянно, что Восток здесь во многом сумел подойти ближе к человеку, понять его духовное творчество лучше, чем это делаем мы»⁶.

Наше исследование было нами задумано не как собственно востоковедческое, оно не имеет специальной цели и сравнения культур Востока и Запада, а имеет целью осмысление точек их соприкосновения.

Возникает это очарование от особой слитности языка, мифологии, поэзии и философии. Еще Шеллинг писал, что «поэзия содержится в самом материальном строении языков», что «язык — это лишь стершаяся мифология»⁷. Сама же мифология — это выпавший народу жребий. Она же есть истории: «Как только мифология появляется и совершенно заполняет собою сознание, поэзия и философия расходятся в разные стороны из этого общего для них центра, причем на первых порах расходятся медленно»⁸. Для понимания этого сплетения уровней постиже-

ния человека и мира, всех нюансов и взаимных бликов и возникающих смысловых оттенков, в их целостности, хотя бы в приближенном созвучии с оригиналом, разумеется, строго логический аналитический метод подходит не совсем или совсем мало подходит. Поэтому мы обращаемся к теме интуитивного познания, которое естественно при восприятии искусства, необходимо для проникновения в смысловую глубину мифа, скрыто всегда присутствует и при философском взгляде на мир, не обходится без интуиции и наука. Некоторые разделы посвящены непосредственно исследованию традиционных культур, сравнению моделей западного и восточного человека, есть главы, посвященные России, как совершенно особой цивилизации, соединяющей в себе черты Востока и Запада, укрепиться она может лишь в гармоническом их сочетании.

Эстетика и искусство дают в постановке проблемы Востока и Запада определенные преимущества, поскольку именно они всегда и выступали более или менее удачно посредниками в этой таинственной сфере проявления человеческой сущности.

Т.Б.Любимова

Примечания

- ¹ Правда, Р.Барт, например, с помощью понятия «Текста Жизни» стремится выйти за пределы западной «традиции» в своей книге «Империя знаков» (1970 г.), говоря о Японии.
- ² *Генон Р.* Царство количества и знамени времени. М., 1994. С. 98.
- ³ Вещи не в материальном смысле, а в смысле «опусы», целостности, которые могут воплощаться и в материале.
- ⁴ Существует и обратная связь между развитием языка и генетическими особенностями нации.
- ⁵ *Элиаде М.* Мифы, сновидения, мистерии. М., 1996. С. 38.
- ⁶ Восток-Запад. М., 1982. С. 7.
- ⁷ *Шеллинг Ф.В.* Сочинения. М., 1998. С. 1090.
- ⁸ Там же. С. 1088.